

О том, как Институт философии стал делом его жизни и об утилитарном и морально-этическом значении Института

<http://oralhistory.ru/talks/orh-1660>

6 ноября 2013

Собеседник

Гусейнов Абдусалам Абдулкеримович

Ведущий

Зубец Ольга Прокофьевна

Дата записи

Беседа записана 6 ноября 2013 и опубликована 18 февраля 2014.

Введение

Третья беседа с Абдусаламом Абдулкеримовичем Гусейновым — доктором философских наук, профессором, академиком РАН и действующим директором Института философии РАН. Ученый рассказывает о том, как Институт философии стал делом его жизни, каково значение института для общества в целом и для международного философского сообщества, а также рассуждает о том, в чем он видит свою задачу как директора института и почему так важно сохранить институт как очаг независимой философской мысли, имеющей не только утилитарное, но и морально-этическое значение.

Беседа записана в рамках совместной исследовательской программы Института философии и Фонда «Устная история».

Ольга Прокофьевна Зубец: Абдусалам Абдулкеримович, когда мы в прошлый раз говорили о вашем приходе в Институт [философии], в сектор, как потом вы стали заместителем директора, вы сказали, что восприняли институт как дело вашей жизни. В каком смысле? Все-таки — так связать свою судьбу с чем-то определенным — это очень решительный, субъективный шаг, вот что вы имели в виду?

Абдусалам Абдулкеримович Гусейнов: Когда я это утверждал, я имел в виду тот факт, что коллектив остановился на моей кандидатуре и доверил мне руководство институтом, и тогда я для себя решил, что я могу выполнять эту функцию только в том случае, если я готов принять ее как важное, может быть, самое важное дело в жизни, которое на мою долю выпало. А в целом, когда я сюда пришел, я нашел здесь атмосферу, очень мне близкую, и трудно даже вычлнить и сказать, в чем это обнаружилось, но думаю, что это было связано с тем, что здесь было много людей и много таких очагов, где вопросы философии и не только даже вопросы философии, а острые, требующие философского осмысления общественные вопросы обсуждались с необычайной искренностью, увлеченностью. Обсуждались с полной отдачей, с пониманием того, что ответы на эти вопросы, их решения имеют исключительно важное значение. То есть в этом было что-то подлинное, такая духовно насыщенная интеллектуальность в подлинном выражении. Здесь были и остаются такие люди и были и остаются такие очаги, иногда официальные, иногда неофициальные и даже очень часто неофициальные, но очень естественные и органичные. Этого не было в университете, может быть, отчасти потому, что в университете существовал свой быт, который задается учебным расписанием, занятиями, некоторой более жесткой внешней регламентированностью жизни. Здесь это было. И конечно, это было нечто уникальное, тем более это был период, когда я пришел, 87-й год, как раз пик перестройки, годы, которые в моем самоощущении были самыми лучшими, это был, пожалуй, короткий период, когда внутренние интенции и внешнее, публичное поведение, возможности публичного самовыражения, полностью совпадали. И было огромное вдохновение. Отчасти, как потом оказалось, иллюзорное, но тем не менее оно было, и этим подъемом внутренним, духовным институт был охвачен. Я бы даже сказал, он в целом был охвачен, не то что каждый человек, но в целом. Я бы не сказал, что в секторе я это нашел, элемент интеллектуального равнодушия в секторе, конечно, был. Но я понимал, что развитие этики в нашей стране должно получить новый импульс, и прежде всего за счет того, чтобы вырваться из своих собственных рамок.

Когда у нас формировалась и становилась этика как самостоятельная вузовская дисциплина и самостоятельная область исследования, отчасти возрождалась, отчасти впервые становилась с начала 60-х годов, основной упор был сделан на то, чтобы этика могла вписаться в существующий состав дисциплин, чтобы не было повторений. И отсюда делался упор на то, что ее отличает, на какие-то, так сказать, внутренние проблемы, и отсюда был уклон на то, чтобы искать точку соприкосновения этики с психологией, социологией, и сама мораль понималась как способ регуляции поведения. Я же — отчасти, может быть, в силу того, что больше внимания уделял истории этики, — отчасти, может быть, в силу каких-то других причин, я понимал, что этика должна как бы выйти из своей вынужденной самоизоляции, вынужденной. Может быть, это и было необходимо в таком детском возрасте, в период становления, подобно тому, как маленькое дерево всегда ограждают, чтобы его не растоптали. Но потом все-таки этика — это исконная и неотъемлемая часть философии, она не только развивалась в рамках философии, но по существу является философской наукой и поэтому нужно было как бы вернуть и развернуть ее философское содержание. Обстановка этому способствовала, потому что интерес к моральным проблемам был широкий, и не только со стороны людей, которые профессионально принадлежали к цеху этики, но и в целом со стороны философов, гуманитариев. И поэтому и в самом секторе, когда я приступил к работе, я начал с того, что пригласил для выступления, обсуждения этической ситуации, нравственной ситуации в стране известных наших философов. Вот, я помню, Швырев Владимир Сергеевич у нас в секторе выступал, Соловьев Эрих Юрьевич у нас выступал в секторе. Потом каким-то образом постарался повлиять на то, чтобы более концентрированно на своих этических пристрастиях, интересах сосредоточились Соловьев Эрих Юрьевич, Бородай Юрий Мефодьевич. И в результате они свои докторские диссертации у нас по этике защитили, то есть это был тоже способ выхода в более широкое пространство. И с этой точки зрения институт, который действительно является какой-то академией философии, предоставлял прекрасную возможность.

В целом я вижу уникальность нашего института в том, что здесь в рамках одного коллектива и одного научного сообщества встретились как бы разные вехи в философии, разные эпохи, понимаете? Мне кажется, нет такого другого сейчас коллектива даже в мире, где бы именно философия во всем богатстве ее основных направлений, в таком вот внутренне расчлененном богатстве развивалась и исследовалась. А здесь при всем том, что контакты между различными секторами и отделами, конечно, нуждаются в совершенствовании, могут быть подвергнуты критике, тем не менее в рамках одного Ученого совета, в рамках одного коллектива, в рамках одних каких-то научных форумов собираются люди, которые исследуют этику, эстетику, философию религии, историю философии, онтологию, — короче говоря, именно философию во всем богатстве. Люди, которые одновременно занимаются разными эпохами, разными мыслителями, — это создает эффект, который по своему значению превышает все то, из чего он складывается, все эти составляющие элементы. Ну и, в общем, нужно было быть очень уж таким человеком или ограниченным, или еще каким-то, чтобы не почувствовать эту атмосферу. Поскольку так сложилось, что я связал свою судьбу с философией, это не было просто вещью, внешней для меня.

О лучшем месте для существования

О.П.: Абдусалам Абдулкеримович, вот Зиновьев — вы уже его цитировали — считал, что самое лучшее место для существования такого гуманитария — это старший научный сотрудник Института философии. *(Смеется.)*

А.А.: Да, он говорил, лучшей должности в мире нет.

О.П.: Вот вам не повезло, вы не были на этой должности, совсем не были.

А.А.: Нет, не был я.

О.П.: Но в чем, как вам кажется, в чем преимущество, я не имею в виду именно должности, конечно, но философа в институте, помимо связи, помимо этого всеобщего духа, вот вы на себе ощутили...

А.А.: Да, я понимаю. Конечно, я, так случилось, к удаче или к сожалению, не был на должности старшего научного сотрудника. Но тогда, когда я стал заведовать сектором, заведовал отделом и даже когда стал замдиректора и директором, все-таки степень свободы была и остается, слава богу, до настоящего времени такой большой, что это сопоставимо именно с возможностями старшего научного сотрудника.

Что, я думаю, нравилось Александру Александровичу? То, что здесь создана возможность более или менее приличного существования, даже как бы с определенным публичным статусом человеку, и в то же время у него есть возможность свободно заниматься тем, что он любит, что ему нравится, именно свободного исследовательского поиска, и при том тут есть среда, которая может оценить тебя в твоих каких-то достижениях, откровениях и т. д. И, конечно, в этом смысле, я бы даже сказал, почти лабораторный случай. Это, конечно, не значит, что здесь люди были свободны от каких-то привходящих моментов, подсиживания, зависти, — все это было, но это все-таки было в рамках философского дела, в рамках занятия собственно философскими проблемами. И дело было поставлено таким образом, в годы Зиновьева по одной причине, а в наши годы уже по другой причине, что сами научные занятия, их результаты, они почти никак не были связаны с положением и статусом человека, от этого не зависела его зарплата, от этого не зависели блага, которые он получал и т. д. Все это определялось по каким-то другим критериям. В эпоху Зиновьева это обеспечивалось тем, что в институте существовало как бы два института, а именно: с одной стороны, официальный, институт, который отчасти совпадал с руководящим составом, так сказать, прямо интегрированным в сеть академических учреждений, а также с подразделениями, которые делали какие-то официально-казачные темы, — и большой массой свободных исследователей, которые жили своей внутренней жизнью, составляли какую-то, я бы даже сказал, внутреннюю оппозицию в самой философии, у них были свои критерии оценки, свои кумиры, понимаете?

Допустим, тот же Зиновьев или Ильенков — они, в общем-то, и не поднимались выше старшего научного сотрудника, но их положение и авторитет были такие, какие ни директор, ни академик — никто не имел.

И они, конечно, это понимали, и даже тот факт, что они имели такой авторитет, это их тоже подпитывало, стимулировало, давало им сознание уважения к своему делу. Это в его эпоху. Ну о чем может больше мечтать человек, у которого действительно, как говорил Зиновьев, есть только амбиции исследователя? Вот амбиции исследователя у него есть, никаких других амбиций нет. Институт являлся средой, где эти амбиции можно было оптимально реализовать.

В наше время уже по другой причине так сложились обстоятельства, что в публичном пространстве новой России на первое место вышли филологи, экономисты, политологи, социологи, юристы конечно, потом какие-то управленцы, в общем, гуманитарии из других областей. А философы не были востребованы. Кроме того, философия находилась под подозрением: что она официальная наука, поскольку она обслуживала официальную идеологию и в каком-то смысле ответственна за эту идеологию, которую новая Россия хотела изжить, преодолеть, — и поэтому философы были предоставлены самим себе. И институт за эти годы как раз сумел продвинуть нашу философию, ликвидировать пробелы, освоить новые темы, добиться действительно заметных успехов именно благодаря тому, что мы были предоставлены сами себе, над нами не было никаких заказов, никакого пресса, но при всем при этом, пусть не на таком высоком удовлетворительном уровне, мы были обеспечены, какую-то зарплату нам платили. Были, конечно, и тяжелые годы, но потом, начиная с 2000-х годов, это все тоже более-менее стабилизировалась, и в этом смысле, конечно, это была, и я думаю, до сих пор пока остается замечательная атмосфера, когда мы можем заниматься философией, руководствуясь своим пониманием того, что это такое, как этим заниматься, в процессе совместных обсуждений, взаимной критики, споров и так далее. Без какого-то внешнего давления. Это, конечно, было, остается благом.

О.П.: Абдусалам Абдулкеримович, а на развитие вашей мысли, скажем, на ваши тексты, как вы думаете, повлияло то, что вы пришли сюда, в эту другую ситуацию? В содержательном смысле.

А.А.: Абсолютно. Очень даже сильно. В содержательном смысле, во всех смыслах. Я не могу, у меня нет такой привычки, может, даже плохо, что нет такой привычки, — смотреть на себя, свои тексты со стороны, анализировать их и так далее, но я уверен, что это качественно новая ситуация и состояние, то есть здесь мой философский кругозор сильно расширился, и потом имеет значение, когда ты свободен от других обязанностей, даже если это обязанности преподавателя, понимаете? Ведь преподавание, конечно, органично философии, но напрасно думать, что оно только оказывает положительное воздействие. При определенных условиях — тогда, когда это именно преподавание философии в каком-то свободном режиме, — тогда да, а так нет. Я помню, первые пять лет моей преподавательской деятельности это было тоже своего рода интеллектуальное рабство. Рабство, может быть, сильно сказано, но это было практически такое дело, когда я больше ничем другим не мог заниматься, кроме освоения этих курсов, проведения занятий, лекций, семинаров, при этом в режиме почти поточного производства, двести двадцать пять — двести пятьдесят человек, и они все должны были пройти через мой зачет, через экзамен и через семинарские занятия, десять групп было, иногда даже двенадцать групп. Это нелегкое, нелегкое дело. Оно физически нелегкое и тяжелое психологически, ведь ты один, а эти студенты ведь тоже каждый — индивидуальность, их хотя бы надо запомнить, и со многими возникают индивидуальные отношения, кто-то что-то спросил, кто-то чего-то не доучил или еще что. Правильно? Это не проходит в рамках общего, каких-то общих вещей. Так что это тоже, конечно, имело значение, что здесь разгрузился от многих внешних вещей...

А потом, все-таки МГУ — это же огромный комбинат, там много факультетов, а Институт философии компактный.

Многие не понимают такой вещи, что во всех университетах философия существует наряду с другими факультетами, наряду с другими департаментами, и внимание, которое уделяется философии, оно не является единственным.

Она наряду со многими, она находится в конкуренции со многими, и конкуренцию со многими она выдержать не может, поскольку другие более практически ориентированные, более массовые. А здесь философия — это единственный предмет, и весь фокус на нее, и здесь уже философия рассматривается сама по себе, внутри себя, а не в сравнении, скажем, я не знаю, с историей, экономикой, физикой. Такого рода сравнения тоже могут иметь значение, но они все-таки внешние, чуждые, и философия, вообще-то говоря, сама с собой должна спорить, а не с химией.

Об этическо-моральном пафосе философии

О.П.: Мне кажется, что за эти годы, что вы в институте, у вас появились работы, которые, может быть, реализуют эту идею возвращения этики в философию, или, наоборот, осознание философией своего этического смысла, или пафоса, как вы говорите, потому что вышла ваша статья о назначении философии, потом на Всемирном конгрессе в Афинах вы делали доклад «Философия как этический проект», — не знаю, связано ли это напрямую, но может быть, и есть такая связь, что вы стали писать о философии в целом?

А.А.: Ну, может быть. Я считаю, что эта идея об этической основе, об этическо-моральном пафосе философии, о том, что этика — это не просто часть философии или один из аспектов философии, а что сама философия в целом имеет определенный этический смысл и является своего рода этическим проектом, — я считаю, что это очень важная мысль вообще. Она адекватно отражает место и роль философии в культуре, но она особенно важна, мне кажется, в современных условиях, когда философия нуждается в новом самосознании, в новом осмыслении, переосмыслении своего места в познании и в культуре, в самой человеческой жизни. Она последние сто пятьдесят лет загнана в университетские департаменты, там она, конечно, неплохо устроилась, имеет свое место, но философия не может быть сведена к одному из университетских предметов. Она, конечно, и есть один из университетских предметов, но она в то же время есть нечто большее. И это связано с тем, что философия органически соединена с общим стремлением и человека и общества совершенствовать основы своего собственного существования. То есть философия в этом смысле, если хотите, рядоположена с такими формами культуры, как искусство, религия. И не случайно ведь Гегель рассматривал философию как определенную форму духа, причем на высшей, абсолютной ступени. В марксизме тоже рассматривалась философия не просто как наука, а еще и как форма общественного сознания. И это, мне кажется, правильное понимание философии. Да и в Античности она понималась, конечно, как теория, но не сводилась к каким-то отдельным формам, скажем, технического знания, которые уже тогда формировались, или астрономии, или геометрии, да? В общем, и в Новое время — но это уже отдельный самостоятельный вопрос. Вообще переосмыслить, просмотреть роль философии под этим углом зрения — как образа жизни, как этического проекта, как духовной практики, — вот то, чем так хорошо занимался, в частности, Пьер Адо.

О положении философии в обществе

О.П.: Когда мы с вами говорили в прошлый раз, вы сказали — шла речь о том, что такое философия в публичном пространстве, — и вы высказали такую мысль, которая мне запомнилась, что когда философ занимается не своим делом, его не любят в обществе, а когда он занимается своим делом, его ненавидят. (*Смеется.*) Как Сократа. Поступают как с Сократом и еще с некоторыми мыслителями. А Институт, он какое, на ваш взгляд, занимает место в нашем обществе российском? Он вообще востребован? Какие чувства

он вызывает у людей, то есть не у людей я имею в виду — у сообщества, скажем так. Он как бы сокрытый образ жизни ведет или... Я понимаю, что вот сейчас мы говорим в ситуации специфической, скажем: сложность с Академией наук, — но если взять период до этого, когда все было нормально.

А.А.: Я могу так сказать: над этим надо специально подумать, но если не мудрствовать, а исходить из реальных фактов, которые определяют положение института в академии, в обществе, то я бы отметил по крайней мере следующих три момента, которые не только примиряют людей с институтом, но в известной мере формируют позитивное к нему отношение. Первое — это в целом некое от века идущее представление о философии как странной, но тем не менее очень важной области знания, которая всегда ценилась. И наличие многих философов прошлого, которые в пантеоне мыслителей занимают первые места, и ни одна другая область интеллектуальной деятельности не дала столько имен, которые имеют такое безусловное значение и общезначимый смысл, да? Вот если мы назовем великих мыслителей, начиная с Античности, кого вы назовете? Евклид, Пифагор, Гиппократ, Аристотель, Сократ, Платон, Эпикур. Понимаете? То есть будут дозвлетать философы.

” Я же говорю: когда мы были в Лувре, в античном зале сохранились скульптуры чьи? Полководцев и философов! И больше всего — того, кто одновременно был и полководцем и философом, императора Марка Аврелия.

И конечно же, люди образованные, современные не могут не понимать, что здесь речь идет о важной сфере духовной жизни, которая кажется им тем более важной, чем менее они ее понимают. Ведь это не только в прошлом, в отдаленном прошлом, и не только Кант, Гегель, Шопенгауэр, но и в современности, скажем, Хайдеггер, Сартр. То есть это общее отношение к философии высвечивает нас в благосклонном виде перед обществом.

Второе: институт живет настоящей полноценной жизнью исследовательского института. Сюда люди ходят, спорят, пишут книги, и причем очень активно. Активность многократно возросла. Если мы посмотрим, что творится в области философии, что произошло за последние двадцать с лишним лет в смысле, скажем, разнообразия направлений, тематики, то это качественный скачок. Это тоже люди видят и к этому относятся положительно. К тому же видят, что философы в силу каких-то причин, своих особенностей, не претендуют ни на что другое, не составляют конкуренцию тем околоставным политологам, еще кому-то, экономистам, юристам, которые, конечно, какое-то место под солнцем занимают, а философы в этом смысле занимают свое место и на чужое не претендуют — это имеет значение, это второй фактор.

И третий фактор: люди понимают, что есть некие общие вопросы жизни не только отдельного и даже не столько отдельного человека (это, может быть, стоит не так остро), но жизни страны и развития в целом человечества, которые не охватываются, не схватываются никакой другой наукой. Вот то, что называется прозрением в будущее, некоей стратегией. И традиционно это было связано с философией, и связывают с философией, что именно философия должна задать некие общие категориальные рамки, контуры современного осмысления мира, понимаете? Идет развитие, очень быстрое, а куда оно идет? Разве есть ответ на этот вопрос? Его же нет. А люди понимают, что какой-то ответ должен быть, само мышление требует доходить до этого вопроса. И отсюда некоторые надежды на философов, ожидания, упреки, которые, так сказать, с их деятельностью связываются. Ведь основной вопрос, с которым обращаются к философам: «Скажите нам, куда мы идем?» То есть в философском обобщении схватить некий общий смысл современной эпохи, современного состояния общества.

О.П.: Абдусалам Абдулкеримович, в последнее время многотомные издания предпринимались, посвященные русской философии, в первую очередь XX века, и если взять, скажем, русскую философию XIX-го, потом этот всплеск начала XX века, потом своего рода катастрофа, которая случилась, потом постепенное возрождение, — вот сейчас институт какое место занимает, если задать какую-то стороннюю точку, если бы это было возможно, и посмотреть, что это за период в истории русской философии?

Я думаю, что институт центральное место здесь занимает, и поэтому можно судить и по институту, что это за период такой.

А.А.: Мне трудно сказать. Но я бы так сказал, исходя из нашей активности в том, что касается текстов, исходя из настроений людей, исходя из различных исследовательских приоритетов и философских позиций сотрудников института. Можно так сказать: основная миссия, не миссия, но особенность той работы, которую сейчас делает институт, состоит в том, что он пытается связать концы с концами, разорванные концы, имея в виду две вещи: во-первых, разорванные концы самой русской философии — в русской философии были представлены разные идейные течения, разные школы, но при этом они представлены как взаимоисключающие, не было никогда такой ситуации, когда их взаимная полемика осуществлялась в некоем едином интеллектуальном пространстве, это была полемика, которая их как бы исключала, значит, исключала друг друга, в отличие, скажем, — ну так кажется по крайней мере со стороны — в отличие от того, как складывался этот процесс в других странах. Ну, скажем, были Кант, Гегель, а были потом люди типа Шопенгауэра и Ницше, которые вообще уничтожали, отрицали. Но тем не менее и то и другое оставалось в рамках одного процесса, изучают в одних учебниках и т. д. У нас этого не было. Или религиозная философия и марксизм, Шпет и т. д. Значит, в этом смысле институт, демонстрируя, может быть, с внешней стороны некую всеядность и эклектичность, тем не менее пытается соединить эти концы. Мне кажется, это очень важно. И с этой точки зрения, проект «Философия России второй половины XX века», а потом «Философия России первой половины XX века» — он очень важен: все-таки философский век — это был XX век, XIX век — это был век литературы русской, может быть, а XX век все же был философский век в России. Не историков, историки тоже были в XIX веке, и не писателей. А если брать интеллектуальную сферу, я не могу сказать как насчет музыки, изобразительного искусства, тут, в общем, должен быть более информированный и проницательный взгляд, а вот то, что касается форм культур, связанных со словом, XX век, русский XX век, — это именно философский век. И здесь институт как раз эту функцию и миссию выполняет, эти концы с концами связывает. И вторые концы: это русская философия — западная философия. Тоже всегда они развивались, как бы приглядываясь друг к другу, но все время оставались чужими друг для друга.

Это не значит, что сейчас мы, так сказать, вошли в какое-то единое коммуникативное пространство, это не так. Но тем не менее в этом отношении происходят какие-то изменения, существенные изменения. Чисто внешне это поддерживается и стимулируется новым курсом, в целом — общественно-политическим курсом России, которая интегрируется, как это сейчас называется, в цивилизованный мир и т. д. Но это внешняя сторона, а есть внутренняя сторона, которая связана с развитием философии, и сейчас мы видим, что западная философия сама внутри себя разная и внутри нее самой есть различия, сопоставимые с различиями западной философии и русской философии. То есть сейчас, мне кажется, в этом отношении институт выполняет определенную роль, как я говорю, связывания концов с концами. Вот такой, не знаю, как это назвать, синтетический что ли период.

Об участии Института в мировой философской жизни

О.П.: Раз об этом зашла речь — так сказать, о нашем сближении с европейским процессом философским, — в институт приезжали довольно крупные философы, из тех, кого я могу сразу вспомнить, скажем, Рорти, Жижек, да? Кого еще можно вспомнить?

А.А.: Рикер, Хабермас, много было.

О.П.: Из политических Чавес приезжал.

А.А.: Уго Чавес, Деррида, многие приезжали.

О.П.: Кто произвел на вас наиболее сильное впечатление? Конечно, трудно сравнивать, но тем не менее запомнился или повлиял как-то?

А.А.: Нет, до этого дело не доходило. Конечно, они все по-своему были интересны, по-разному интересны.

Пожалуй, вот были два семинара с Рорти, потом была большая развернутая беседа с ним группы наших сотрудников в кабинете у меня наверху, когда я был заместителем директора. И он на меня произвел очень сильное впечатление, и, пожалуй, именно в процессе этих встреч у меня сложилось какое-то более ясное и, самое главное, более прочувствованное представление о том, что означает то течение, которое называется постмодернизм. И какого рода их претензии к философской классике. Вот, пожалуй, случай с Рорти, и именно в силу характера такого общения, которое не ограничивалось одной лекцией, а имело характер небольшого теоретического семинара, — вот, пожалуй, он. Хотя и все другие философы, они делали нам честь, Жижек один чего стоит.

О.П.: Да, Хабермас.

А.А.: Хабермас несколько раз приезжал, цикл лекций читал. У нас ведь, на самом деле, были именитые гости, начиная с Сартра.

Сартр в свое время институт посещал, а потом с институтом был связан, здесь жил и работал Дьёрдь Лукач, один из крупных философов марксистской ориентации XX века. Ну и потом многие... и Пригожин, многие.

О.П.: Мне кажется, в последние годы институт как-то ворвался в философскую жизнь мировую. Если вспомнить, например, День философии, который у нас был в 2009 году, когда очень много приехало зарубежных гостей, и это была интеллектуально и эмоционально на какой-то высокой точке встреча.

А.А.: Да, тогда многие откликнулись на наше приглашение. Это было посвящено 80-летию института, это был, конечно, одновременно и какой-то знак уважения к русской философии, к институту. Ну и мы предложили интересную повестку, у нас ведь был замысел «Философия в диалоге культур», и было построено таким образом, чтобы рассмотреть этот вопрос в оптике различных философских традиций, и поэтому на пленарном заседании делали доклады люди, представляющие китайскую философию, индийскую философию, западную философию, русскую философию. Это был интересный замысел. А круглые столы были построены тоже таким образом, с тем, чтобы эту проблему, действительно актуальную проблему, над которой многие думают, причем во всех странах думают, чтобы эту проблему рассмотреть сквозь призму и на основе того аппарата и тех достижений, которые имеет философия в различных своих областях, понимаете? С точки зрения онтологии, гносеологии, этики. На этом принципе была построена работа круглых столов, и в этом смысле такое органичное объединение собственно философского языка, философских возможностей, философского инструментария с актуальной животрепещущей проблемой, — мне кажется, это само по себе тоже имело значение.

И отношение к этому мероприятию, к тому, что к нам приехало столько гостей, отношение к обсуждаемой проблематике, которое продемонстрировали наши сотрудники, причем продемонстрировали не искусственно, а вполне естественно. Поскольку вообще, допустим, когда мы собираем такие мероприятия, как День философской книги или публичная лекция Жижека и т. д. — все обнаруживают этот интерес. И этот интерес тогда тоже был обнаружен, продемонстрирован перед нашими коллегами зарубежными, это тоже на них произвело очень большое впечатление.

О.П.: Я думаю, просто их потряс сам факт существования такого института, когда они увидели...

А.А.: Конечно, когда увидели сам институт, так сказать, когда все девять круглых столов были так авторитетно обеспечены сотрудниками института, что это все происходило в пространстве самого института, и так, что философы не были гостями какого-то университета или еще чего-то — они были в своей среде, гостями своих же коллег, своего же института. Все это тоже имело значение, и надо признать, что наши зарубежные коллеги высоко это мероприятие оценили, и это сыграло, мне кажется, свою роль в том, чтобы мы как-то сблизились.

Ведь задача института, вообще-то говоря, в том и состоит, — создать среду, насыщенную интеллектуальную среду, в которой уже по каким-то никому точно не известным законам возникали бы, прорастали какие-то философские, если не гении, то по крайней мере таланты, понимаете? Чтобы они могли здесь появиться: среду, которая, когда они появляются, могла их увидеть, понимаете? Стимулировать их. С этой точки зрения такие научные форумы, как Всемирный день философии, который мы тогда провели, как и Всемирные конгрессы, в которых мы очень активно участвуем, имеют большое значение.

О деле жизни

О.П.: Абдусалам Абдулкеримович, институт стал делом вашей жизни. Что самое трудное в этом деле? Что самое сложное?

А.А.: Самое трудное и сложное в этом деле, как ни странно, — это оградить институт от разрушительных внешних воздействий. Это прежде всего связано с тем несчастным случаем, когда было принято постановление правительства, чтобы здание передать музею, прежде всего с этим актом. Ну и со многими другими. Что касается внутренней жизни, внутреннего развития института, то надо сказать, что здесь какие-то идеи, предложения, инициативы встречали поддержку, а по-другому и не могло быть, потому что сами эти идеи и инициативы возникали, именно исходя из живой ситуации, среды самого института. Ведь когда я стал директором, у меня не было какой-то особой программы, первый пункт, основа была в том, чтобы обозначить слово «преемственность», чтобы сохранить атмосферу, среду свободного творчества. Ведь никто... Даже когда мы говорим: а что такое институт, почему это лучшее место? Вы подумайте, что практически, в течение этих лет, тему своего собственного исследования задавал сам исследователь. Не грантодатель, который задает какие-то условия, не какое-то идеологическое учреждение, не какая-то высшая инстанция, а это проросло снизу. Вот есть институт, но в то же время каждый сектор да и каждый исследователь тоже является своего рода институтом. В каком смысле? В том смысле, что каждый сектор и каждый активный исследователь имел и имеет возможность сам налаживать связи, предлагать проекты, организовывать научные форумы и, в общем-то, в этих усилиях он встречает поддержку административную и другую, возможно, поддержку со стороны дирекции, и в этом как раз и было, мне кажется, и состоит то, в силу чего эту работу, несмотря на то, что с ней сопряжено много тяжелых и формальных вещей, что она время отнимает и так далее, но тем не менее в целом эту работу можно рассматривать как творческую, духовно-насыщенную, такую, которая смысл имеет.

О.П.: Вы чувствуете какой-то отклик от института?

А.А.: Ну это потом ведь узнается. *(Смеется.)* Во всяком случае...

О.П.: Ну какое-то понимание, поддержка.

А.А.: Мне кажется, да. Почему? Потому что в деятельности директора, дирекции могут быть ошибки, и что-то не так сделано, и, конечно же, они были, но это одно, без этого не бывает. Ведь самое важное другое: чтобы не было здесь каких-то скрытых вещей, чтобы не было того, чтобы кому-то отдавалось в чем-то незаслуженное преимущество, чтобы кто-то там, я не знаю, преследовался или еще как-то. Понимаете? Здесь очень важно, чтобы под столом у директора не было ничего, чего нет у него на столе. Это не так легко сделать, потому что все равно под столом что-то остается. Ведь не может же директор во всем быть откровенным, хотя бы потому, что он должен хранить откровенность других людей, в себе прятать, да? Некоторые вещи, которые связаны с решением хозяйственных и прочих вопросов, которым публичность противопоказана, они, конечно, остаются под столом. Но чтобы под столом не оставалось ничего из того, что может быть и должно быть выставлено на стол. Мне кажется, в этом. И практически у меня в качестве директора очень мало было бумаг, которые я специально убирал, чтобы другие не видели, — я бы так сказал. Они были, но, мне кажется, очень мало. И даже когда идут разговоры с кем-то, они всегда имеют такой вид, что любой другой, который подошел, может или подключиться, или молча присутствовать. И мне кажется, этот стиль, принципиально не бюрократический, — не просто

не бюрократия, а принципиально не бюрократический, открытый, демократичный стиль, когда нет приемных часов и в то же время в любой момент любой человек может прийти. Он, мне кажется, себя оправдывает — и для института, по размерам такого, с нашим режимом работы, он является оптимальным. Здесь скорее у нас идет злоупотребление в другую сторону, скажем. *(Смеется.)* Человек приходит, чтобы подписали, и он даже минуты не хочет ждать, заходит тут же: подпишите.

О.П.: Или не хочет уйти. *(Смеется.)*

А.А.: Да. Или вот так. Так что в этом смысле, я думаю, по крайней мере с моей стороны, какое-то взаимопонимание было. Со стороны института. Ну, единственный показатель: когда выбирали меня на второй срок, там был один голос «против», остальные были «за».

О.П.: Из трехсот человек.

А.А.: Из почти трехсот, двести с чем-то, я уже забыл. Поскольку это было тщательно и очень точно организованное тайное голосование, которое не сопровождалось никаким дополнительным ресурсом, административным или любым другим, то, конечно, можно считать показателем.

О.П.: Мне кажется, еще в последнее время, в ситуации трагической достаточно, когда были приняты разрушительные законы в отношении Академии наук, и в этой ситуации общения с другими институтами и сопротивления нашего совместного, выявилось, что наш Институт в какой-то особой ситуации находится, в ситуации единства позиции директора и коллектива. Именно, может быть, в силу этого, то есть в ситуации, когда люди не отделяли себя от дирекции и полностью были солидарны, воспринимали себя как единое нечто, в отличие от целого ряда других институтов, в которых существует напряжение, и именно в силу этого, они, хотя и участвовали в этой вот борьбе, в этом сопротивлении, для них это было не такое ясное дело, как для тех, кто работает в Институте [философии], потому что для нас это была защита нашего института как он есть, в таком виде, с теми людьми, которые здесь есть, именно как института Академии наук. И я хочу сказать, что вы взяли очень много молодых ученых в последнее время. И не скажу, что это изменило институт, потому что, по сути, не изменило, а наоборот, как бы проявило его, усилило какие-то хорошие вещи в нем.

А.А.: Когда меня избирали на второй срок, я сказал открыто, и меня коллектив поддержал, что одна из стратегических линий — это обеспечение, плавное обеспечение преемственности, решительное омоложение института, и эта линия была взята, довольно целенаправленно, даже жестко, предприняли ряд мер, освободили от всех совместителей, хотя это было не всегда легко. Ну, потом какие-то резервы у нас были молодых, и мы поддерживали отношения.

В целом удалось взять достаточное количество молодых, и мы их поддерживали. И самое главное — сейчас этот процесс мы довершаем, подбираем. Самое главное, из той группы молодых мотивированных людей, которые здесь выросли, были связаны с нашими учеными, секторами, мы не потеряли пока ни одного. Больше того, мы за всеми за ними следили, следим, знаем и даже где-то держим место и т.д. В общем, эта работа велась, и она еще продолжается. И мне кажется, у нас такая ситуация: если не будет сильных внешних деформирующих влияний, эта проблема может быть полностью решена. Здесь только один вопрос — это наличие таких молодых хорошо мотивированных людей. А в современных условиях, я считаю, каждый молодой, в особенности если это способный, талантливый человек, который хорошо в университете учился, если он выбирает эту стезю научного сотрудника в институте, нашем институте, это само по себе является важным залогом того, что он своим делом занимается. Так я бы сказал. Своим делом занимается.

О.П.: Это, так сказать, чистый мотив.

А.А.: Да, это почти чистый мотив. И, в общем-то, такие люди находятся, и даже не всегда понятно, как они возникают, но они находятся. Задача только не упустить их.

О будущем Института философии

О.П.: Абдусалам Абдулкеримович, вы говорили о том, что философия есть своего рода утопия культуры, то, что задает обществу какую-то перспективу. Но так как мы говорим об институте, как бы вы, пусть утопически, представили будущее института сейчас, когда много угроз существует, в нехороший момент, напряженный для Академии наук. Какова ваша утопия для института, чего бы вы ему пожелали?

А.А.: Пожелать — это одно. Сейчас вопрос о пожеланиях отпадает, поскольку уже принято решение, передается в определенное агентство и т. д. Трудно спрогнозировать будущее института. Есть внешнее будущее, которое связано со штатами, численностью, местом расположения и т. д. Имеет значение, как это сложится: здесь существенно, чтобы институт сохранился как институт, именно как коллектив, который погружен в философию, занимается философией, чтобы внешние решения, которые будут приняты, не поставили под сомнение именно этот статус. Это первое.

Что касается существа дела, то здесь, конечно, большого оптимизма нету, но мне показался оптимальным современный вариант института 60—70-х годов, когда есть официальный слой института, который, в общем, худо-бедно удовлетворяет внешним потребностям, говорит и о модернизации, об инновациях, и о всех других вещах, о социокультурной модернизации (сейчас такую концепцию развивает, скажем, Николай Иванович Лапин), — чтобы был вот такой слой актуальный, имеющий известную прикладную нацеленность, но при этом, чтобы у этого айсберга была и скрытая часть — такого свободного философствования...

О.П.: Классического философствования.

А.А.: Свободного классического философствования на основе классических текстов, неклассических, современных, постмодернистских. Это уже не важно, в какой форме, это уже сами люди найдут. Но чтобы такая возможность сохранилась, и если это будет, то, мне кажется, институт как место, в котором русская философия, все-таки русская философия нашла себе обиталище, он сохранится. Ведь философия и по улицам голая ходила босиком, она на кафедрах была, она где-то за город уходила, она, в общем, все равно прорастет где-то как-то. Но в истории нашей страны в последние годы (вторая половина XX века и сейчас) наличие такого учреждения, как Институт философии было очень важной вещью для развития философии. Не только в своих достижениях, между прочим, — даже в качестве учреждения, которое было предметом критики, как «Желтый дом», скажем, Зиновьева, понимаете? И даже в этом качестве он играл свою конструктивную роль. То есть у философии адрес был. Понимаете? Когда выражаешь отношение к философии, было ясно к кому и к чему выражать это отношение, это же важно. Конечно, есть философский факультет, но их, во-первых, много, а во-вторых, это именно факультеты в рамках университета, понимаете? Это не лицо философии, а лицо университета того или иного, а институт — это лицо философии, это нечто другое. И конечно, философия должна сохранять возможность смотреть на мир без маски.

О.П.: Будем надеяться. У нас есть свой оберег, амулет: маленькая фигура Владимира Соловьева внизу.

А.А.: Есть, есть такой. Как он называется? Такие изображения святых ставят, это как-то называется, на открытии как раз Козырев говорил об этом. Да, Соловьев, который у нас внизу нашел скромное место, иначе не скажешь, как именно такой оберег наш.

О.П.: Абдусалам Абдулкеримович, о чем мы еще не поговорили, на ваш взгляд? В этой «Устной истории»?

А.А.: О многом не поговорили, но ведь это же «Устная история», чтобы поговорить не о всех, а чтобы поговорить о том, о чем поговорили. *(Смеется.)* Так ведь? И такая вот устная история, она тем и хороша, что здесь много-много таких устных историй...

О.П.: И они перекликаются...

А.А.: Перекликаются, складываются, а все равно не сложатся, а все равно то, что было на самом деле, это немножко иное, чем как было рассказано. Тут уж ничего не поделаешь. Важно, чтобы, как в нашем случае, этот рассказ был сразу врасплох, чтобы человек заранее не мог продумать и придумать для всех наиболее хитрую и льстивую версию. *(Смеется.)* Ну вот, и чтобы он не был таким бесконечным.

О.П.: Спасибо.

А.А.: Спасибо тебе за труд, за то, что поговорила со мной, а вам — за то, что организовали такую возможность.

Текст отредактирован.